

Все это время Чжоу Фэй думала, что намерение убить означает, что человек должен быть всепоглощающе, яростно свирепым. Только теперь она стала свидетелем того, что на самом деле означало убивать – это было чрезвычайно тонко, чрезвычайно спокойно, ни в малейшей степени не очевидно, но совершенно и неизбежно всепроникающе.

Цзи Юньчэнь, казалось, не обиделся на ее дерзость. Он просто тупо смотрел на нее некоторое время, а затем удрученно сказал:

- Моя техника «Рассекание вода и спутывание шелка» действительно не так уж и велика – в любом случае, моя глубочайшая благодарность тебе за то, что согласилась помочь.

Се Юнь выглядел крайне недовольным. Он прислонился к каменной стене комнаты в угрюмом молчании.

У Чучу была первой, кто заговорил:

- Если Фэй не пойдет, я тоже не пойду.

Хуа Чжэнлун, который в какой-то момент вернулся, посмотрел на Цзи Юньчэня и спросил:

- Ты совсем сошел с ума?

Цзи Юньчэнь покачал головой.

В этот момент снова зазвенели медные гонги, громко и настойчиво. Этот леденящий душу звук эхом разнесся вверх и вниз по коридорам. Когда этот звук, наконец, затих, Хуа Чжэнлун слегка опустил голову и с несчастным ожесточением на лице сказал:

- Тогда у меня нет выбора, кроме как...

Говоря это, он уже поднял руку, чтобы схватить Цзи Юньчэня за плечо, намереваясь увести его силой. Цзи Юньчэнь совсем не сопротивлялся, спотыкаясь, когда Хуа Чжэнлун тащил его за собой, хотя его лицо оставалось бесстрастным – только те, кто не разбирался в боевых искусствах, рефлекторно сопротивлялись, когда их хватали. Но такой эксперт, как Цзи Юньчэнь, знал, что борьба будет лишь бессмысленной тратой энергии.

Вместо этого он понизил голос и сказал медленно и выразительно:

- С меня хватит убегать. Ты знаешь, о чем я только что подумал?

Лицо Хуа Чжэнлуна напряглось.

Цзи Юньчэнь тихо сказал:

- Я просто подумал – после всех этих лет поисков я почти ничего не сделал после того, как узнал, кто был настоящим преступником. Так почему же, когда он постучал, я не остался и не встретился с ним лицом к лицу в гостинице? Почему я должен бежать? Почему я должен бежать отовсюду, только чтобы спрятаться от него? Я знаю, что я им совсем не ровня, а поджигать хвост и убегать, когда сталкиваешься с опасностью, - это просто человеческая природа. Брат Хуа, я стал бояться смерти. Я мечтал о том дне, когда смогу вонзить свой клинок прямо в сердце Лорда Лазурного Дракона, но теперь, когда он здесь, я решаю спрятаться от него. Разве это не абсурд?

Сказав это, Цзи Юньчэнь похлопал Хуа Чжэнлуна по руке:

- Брат Хуа, зачем такому бесполезному калеке, как я, продлевать свое жалкое существование, если не в ожидании такого дня, как этот? Если я смогу вынести приговор его голове, то выбор в пользу жить дальше, по крайней мере, стоил бы того. Несомненно, настанет день, когда эта толика мужества, которая у меня сейчас есть, чтобы убить его, исчезнет, и тогда всё, что мне останется, - это влачить жалкое существование. Неужели ты не понимаешь, что я пытаюсь сказать?

Хуа Чжэнлун на мгновение напрягся, затем медленно ослабил хватку.

- Ты должен уйти сейчас, - сказал Цзи Юньчэнь.

Хуа Чжэнлун посмотрел на него и печально покачал головой:

- Но если я уйду сегодня, когда я смогу вернуться сюда, чтобы похоронить твой труп?

При этих словах безжизненные брови Цзи Юньчэня, наконец, слегка дернулись, как будто слова его друга каким-то образом вдохнули в него прилив жизненных сил.

Это была самая последняя частичка родства, которая осталась у него в жизни.

- Сколько тебе еще нужно времени? – спросил Хуа Чжэнлун.

Цзи Юньчэнь ответил:

- Двенадцать часов.

Хуа Чжэнлун кивнул и сказал:

- Хотя я не очень хорошо знаком с этими туннелями, я всё же проходил через них, по крайней мере, несколько раз. Я помогу тебе задержать их на некоторое время, хотя, боюсь, не смогу сделать этого в течение полных двенадцати часов. С остальным тебе придется разобраться самостоятельно.

Хуа Чжэнлун повернулся на пятках и вышел.

Разговор двух мужчин был абсолютно непонятен для остальных присутствующих. «Захоронение трупов», «двенадцать часов» - все это было загадкой. Поэтому, когда Хуа Чжэнлун внезапно ушел, все, кроме Цзи Юньчэня, были всё ещё слишком ошеломлены, чтобы что-то сделать в ответ. И хотя Цзи Юньчэнь схватил его за плечо, у угнетенного шеф-повара, вероятно, хватало сил только на то, чтобы ворочать котелок, и, конечно же, он не был способен удержать своего друга.

Божественные Ладони Лотоса легким движением запястья легко оторвали слабую руку Цзи Юньчэня от его тела, когда тот покинул комнату. Лицо Цзи Юньчэня напряглось от беспокойства, и он поспешил в погоню за своим другом. Но туннель, ведущий из камеры, резко повернул направо, прежде чем резко разделиться на четыре или пять разных проходов, и когда он завернул за поворот, здоровенная фигура Хуа Чжэнлуна уже давно исчезла в одном из этих темных проходов, которые невозможно было найти.

Глаза Цзи Юньчэня внезапно покраснели.

От бледнолицего парня, крепко связанного в углу камеры, послышалось фырканье: «Тебе действительно не нужно так волноваться. Неужели ты думаешь, что этот толстяк так суетился и заботился о тебе все эти годы, ни разу не пожаловавшись, просто по доброте душевной?»

Цзи Юньчэнь отвернулся.

Инь Пэй с некоторым трудом поднял голову, чтобы посмотреть прямо на него, и улыбнулся: «Вы двое действительно нечто. Я полагаю, что птицы одного полета действительно слетаются вместе – вы оба совершили поступки, которыми не гордитесь, но всё же не осмеливаетесь признаться в своих грехах перед людьми, которым причинили зло. Вместо этого вы идёте на множество ненужных жертв ради них и думаете, что этого будет достаточно, чтобы компенсировать всё это. А потом вы втайне начинаете плакать из-за того, что считаете такими героическими поступками».

Цзи Юньчэнь медленно сжал кулаки, отказываясь обращать на него внимание.

Лениво наблюдая за выражением лица Цзи Юньчэня, Инь Пэй сказал: «Тогда я сделаю доброе дело и расскажу, что на самом деле сделал этот толстяк. Божественные Ладони Лотоса Хуа Чжэнлун продолжает говорить, что он обязан тебе своей жизнью. Ну, я слышал, что в славные

дни своей юности он не был ни толстым, ни уродливым, а был довольно симпатичным. Однажды он сыграл героя и спас девицу, попавшую в беду, но по глупости подверг свою жизнь опасности, в результате чего получил серьезные травмы и был на грани смерти. Тогда именно ты спас его. Примерно так развивалась эта история, верно?»

Цзи Юньчэнь притворился, что вообще не слышит его, как будто эти пронизанные сарказмом слова были просто лаем собаки. Он обратился только к Чжоу Фэй: «Не могла бы ты помочь мне сначала запечатать проход, ведущий в эту комнату, чтобы, по крайней мере, задержать их еще немного?»

Чжоу Фэй на самом деле было ужасно любопытно узнать историю Инь Пэя. Но так как она только что была ужасно груба с Цзи Юньчэнем, она чувствовала, что не должна оскорблять его еще больше, околавываясь здесь, чтобы подслушивать. Она вышла из комнаты с каменным лицом, закатала рукава и начала складывать камни в узком проходе. Се Юнь подошел, чтобы помочь ей – в любом случае, ему всё равно больше нечего было делать, так как он не очень красиво собирался уходить один, – одновременно используя испуг на своем лице, чтобы постоянно выражать свое крайнее негодование на нее.

Несмотря на то, что никто, казалось, не обращал на него никакого внимания, Инь Пэй продолжал болтать своим неумолимым языком: «У девушки, которую он спас, был довольно сильный враг, который серьезно повредил его меридианы, и его жизнь висела на волоске. Узнав ранее, что вы двое были друзьями Хуа Чжэнлуна, эта женщина пришла, чтобы найти вас, в надежде получить от вас «Пилюлю Девяти Жизней», чтобы спасти его жизнь. В то время у тебя оставалась одна Пилюля Девяти Жизней, но сначала ты не дал её ей. Вместо этого ты просто направлял свою внутреннюю силу в бессознательное Хуа Чжэнлуна каждый день, чтобы продлить его жизнь. Эта женщина вообще не жаловалась и все равно была тебе чрезвычайно благодарна. Она казалась такой невинной и доброй, не так ли? А ты знал, кем на самом деле была эта невинная и добрая маленькая красавица?»

Цзи Юньчэнь сел на некотором расстоянии от Инь Пэя и вытащил из-под своей мантии небольшой сверток, завернутый в промасленную бумагу. Он развернул его, чтобы показать больше оберток различных тканей внутри, которые он раскрывал слой за слоем, пока не показалось несколько чрезвычайно тонких серебряных игл.

Видя, что Цзи Юньчэнь настроен игнорировать его, Инь Пэй продолжил говорить сам с собой: «Много лет назад самая известная гильдия убийц называлась 'Башня Минфэн'. Эта женщина была самой молодой ученицей Владыки Башни Минфэн».

Чжоу Фэй внимательно подслушивала. Когда она услышала это, камень в ее руке соскользнул на землю, чуть не ударив ее по ноге. Се Юнь поймал его как раз вовремя. Чжоу Фэй подумала про себя: 'Башня Минфэн'? И к тому же убийцы! Не были ли они случайно связаны с 'фракцией Минфэн' в 48 крепостях?

Это, наконец, казалось, вызвало реакцию у Цзи Юньчэня. Он спокойно сказал: «Ну и что?»

В конце концов, эта женщина была всего лишь прохожей, и Хуа Чжэнлун не имел к ней никакого отношения. Была ли она хорошей девушкой или убийцей, маскирующейся под хорошую девушку, это не его дело. Цзи Юньчэнь взял одну из этих супертонких игл, внимательно осмотрел ее в своей руке, затем медленно воткнул ее в макушку собственной головы.

Его движения были чрезвычайно медленными и размеренными, и он опускал глаза в землю, когда выполнял их. Это заставляло думать, что он делает что-то невероятно таинственное, как будто он мог вызвать божество в любой момент. Он продолжал вдавливать иглу вниз, гораздо глубже, чем можно было делать при обычном иглоукалывании, останавливаясь три или четыре раза. Казалось, он испытывал мучительную боль, так как на его лбу быстро выступил слой холодного пота.

После того, как была введена первая игла, Цзи Юньчэнь испустил огромный вздох облегчения, а затем слабо сказал Чжоу Фэй:

- Поскольку ты не очень высокого мнения о Клинке Севера, барышня, не позволишь ли ты мне протестировать «Рассекание воды и спутывание шелка» против твоих движений?

Уши Чжоу Фэй напрягались, чтобы услышать странную историю Инь Пэя, в то время как она одновременно смотрела на эту странную иглу в руках Цзи Юньчэня, затаив дыхание. Ее мысли были в двух местах одновременно, и когда Цзи Юньчэнь внезапно заговорил с ней, она ответила рассеянно:

- ...А?

- Прости меня за то, что я не смогу обменяться с тобой настоящими ударами. - Цзи Юньчэнь указал на место напротив него, сказав: - Пожалуйста, присаживайся. Ты когда-нибудь слышала об «академическом бою»?

- «Военный бой» включает в себя фактический обмен ударами, в то время как «академический бой» включает в себя только выполнение движений. Люди, участвующие в академической борьбе, могут только указывать и объяснять ходы, которые они будут использовать, или выполнять свои движения без какого-либо фактического физического контакта со своим противником. Никто не пострадает – это очень дружелюбно.

Чжоу Фэй на мгновение заколебалась, неуверенная, не пытается ли Цзи Юньчэнь как-то надуть ее. Инь Пэй, который чувствовал себя совершенно заброшенным, вмешался: «Убийца башни Минфэн была способна убить даже своих собственных мать и отца, если ей заплатят. Ты думал, что она добрая и невинная – Цзи Юньчэнь, ты действительно был настолько слеп?» Инь Пэй хихикнул: «В конце концов, ты отдал ей свою последнюю оставшуюся Пиллюлю Девяти Жизней, спасая жизнь Хуа Чжэнлуна. Герой Цзи, почему ты передумал, скажи на милость?»

Чжоу Фэй снова отвлеклась от слов Цзи Юньчэня, подумав про себя: «Ах да, зачем он это сделал?»

Цзи Юньчэнь, казалось, слегка запыхался и медленно ответил:

- Когда я покидал приграничные районы, мой шифу дал мне две Пилюли Девяти Жизней. Эти таблетки, по общему мнению, могут вернуть почти мертвого к жизни, пока человек ещё дышит. Для обычного человека он обладает чудесным эффектом улучшения кровообращения и заживления старых травм. Я уже использовал одну из двух пилюль, чтобы спасти друга много лет назад, и у меня осталась только одна. Я приберегал её для тебя. Ты страдал врожденным дефектом, который сделал тебя болезненным с юных лет, поэтому твои меридианы были слишком слабыми от природы. Тебе было бы не только трудно заниматься боевыми искусствами, но ты также был слаб и склонен к болезням. Я надеялся, что если позволю тебе съесть ее, когда ты станешь немного старше, она действительно подарит тебе новую жизнь.

Инь Пэй усмехнулся:

- Но ты не ожидал, что я узнаю правду, настоящую причину той катастрофы в клане Инь, и убегу. Разве ты не хочешь знать, как мне удалось это выяснить?

Цзи Юньчэнь сказал:

- У меня сорвалось с языка, когда я был пьян...

- У тебя сорвалось с языка, когда ты был пьян, и я просто случайно оказался там, чтобы услышать это? - Инь Пэй расхохотался, но из-за того, что он боялся, что Лорд Лазурный Дракон может услышать его, его смех вышел мягким и хриплым, похожим на звуки, которые издают проколотые мехи, и вскоре он начал задыхаться: - Цзи Юньчэнь, ты такой невероятно наивный, во всех отношениях. Кто напоил тебя и вытянул из тебя эту информацию? Кто специально устроил так, чтобы я это услышал? И после того, как я это услышал, почему я ушел, не сказав ни слова, даже не потребовав от тебя объяснений? После того, как ты понял, что я ушел, эта женщина притворялась, что помогает тебе искать меня?

Иногда человек мог быть в полном неведении относительно некоторых вещей, когда переживал это, – только много лет спустя, когда об этом рассказывали другие, правда казалась такой очевидной.

Даже такой посторонняя, как Чжоу Фэй, могла сказать, что произошло. Чтобы спасти Хуа Чжэнлуна, эта женщина-убийца придумала план, чтобы раскрыть тайну приемного отца Инь Пэя, сделав их врагами в одночасье. Возможно, Инь Пэй ушел по собственному желанию, или, возможно, он был вынужден уйти из-за ее махинаций... Никто, кроме тех, кто был в этом замешан, не узнает, что произошло на самом деле.

Вот как Пилюля Девяти Жизней оказалась в животе Хуа Чжэнлуна без сучка и задоринки и успешно сохранила ему жизнь - тогда узнал ли когда-нибудь правду Хуа Чжэнлун?

Казалось, что он все-таки сделал это.

Самый близкий родственник человека, которому он был больше всего благодарен, на самом деле был одной из главных причин его тяжелого положения – это было то, чем Цзи Юньчэнь был для Инь Пэя, а также то, чем Хуа Чжэнлун был для Цзи Юньчэня. Взглянув на Цзи Юньчэня, Инь Пэй снова разразился сдвинутым смехом.

В коридоре снова раздался звон гонгов. Но это звучало более отдаленно, чем в прошлый раз – эти призраки, бродившие под землей, едва не пропустили их и вместо этого были перенаправлены на другой путь. В напряженной тишине зала звон их гонгов казался саркастическим ответом на безжалостные вопросы Инь Пэя.

Трое других людей в комнате внимательно слушали, не зная, что сказать.

Но Цзи Юньчэнь просто закрыл глаза, отказываясь больше смотреть на Инь Пэя. Схватив пять или шесть из этих чрезвычайно тонких игл на ладони, он вонзил их в точку давления Фэнфу на голове, в направлении, противоположном естественному течению его управляющего сосуда, прямо в его сердцевину. Его желтоватое лицо внезапно покраснело, но неестественно, лихорадочно-алым цветом. Он начал тяжело дышать, пот лился с него градом, а по телу пробегала дрожь. Затем внезапно его глаза резко распахнулись, стальной блеск в его взгляде был направлен прямо на Чжоу Фэй. Он вытянул два пальца и поднял их вверх под странным углом.

Чжоу Фэй подсознательно выпрямилась. В то время как посторонние могли не придавать большого значения тому, что они видели, это была совершенно другая история для тех, кто хорошо разбирается в боевых искусствах. Клинки Севера и Юга были легендарными техниками. В глазах Чжоу Фэй два мозолистых пальца Цзи Юньчэня, казалось, внезапно превратились в длинную саблю. Он наклонился к ней под немыслимым углом, холодное сверкающее лезвие уперлось ей в подбородок.

Горло человека – это его жизнь. Чжоу Фэй больше не могла уделять никакого внимания размышлениям над этими откровениями прошлого. Она поспешно сделала шаг назад, одновременно поднимая руку с мечом, чтобы заблокировать его клинок. Но как только она это сделала, она мгновенно осознала свою ошибку – эта поза была слишком неудобной, и она не смогла бы ее выдержать.

Покачивая головой, Цзи Юньчэнь быстро рубанул своим «клинком» вниз.

Хватка Чжоу Фэй ослабла, ее зрачки сузились, и она чуть не выронила меч, который дал ей Се Юнь.

У Чучу наблюдала за ними в полном замешательстве. Всё, что она могла видеть, это то, что выражение лица Чжоу Фэй резко изменилось после нескольких странных жестов Цзи Юньчэня. Она не знала, что для Чжоу Фэй она уже была разрезана надвое «Рассеканием воды и спутыванием шелка».

Се Юнь тоже медленно выпрямился.

Цзи Юньчэнь медленно произнес:

- Мне нужно двенадцать часов, но брат Хуа не может удерживать их так долго, а эта груда камней снаружи может обмануть их только на короткое время. Боюсь, что, в конце концов, мне все равно понадобится твоя помощь, барышня. Этот участок прохода узкий, так что им будет трудно ворваться и окружить нас, независимо от того, сколько у них людей. В этом и заключается наше преимущество. Лорд Лазурный Дракон любит издеваться над теми, кто слабее его, поэтому, как только он увидит, что ты всего лишь юная девушка, он непременно нападет на тебя сам. Поскольку его резервы внутренней силы намного больше, чем у тебя, единственное, на что ты сможешь положиться, - это твое непревзойденное мастерство владения мечом. Я собираюсь показать тебе беспрецедентную технику, у которой есть только одна цель - убить своего противника. Если ты сможешь выдержать двадцать ходов этой техники за то время, что у нас есть, Лорд Лазурный Дракон не сможет причинить тебе вреда, по крайней мере, некоторое время.

Чжоу Фэй не сказала ни слова, просто переложила красивый, но бесполезный меч Се Юня из одной руки в другую.

Она слегка повернула свое тело в сторону, стирая все следы раздражения и рассеянности на своем лице и демонстрируя стойкость, которая могла оставаться невозмутимо спокойной, даже когда сталкивалась с самыми ослепительными движениями или самыми глубокими трясинами.

Затем, орудуя мечом, как саблей, она положила обе руки на его рукоять и отвела ее назад, прежде чем нажать на нее. Ее движения не были ни быстрыми, ни драматичными, так что обычные зрители даже не смогли бы сказать, что она вообще использовала какую-либо силу.

Это был первый ход Снежной Сабли - «Горы» - в ее чистом, неподдельном виде.

Чжоу Фэй рубанула ее все еще вложенным в ножны мечом перед собой. Он рассекал воздух спокойно и неторопливо, но в то же время обладал отталкивающей тяжестью, которая совершенно не вязалась с внешностью этой хрупкой молодой девушки. Одного этого движения было достаточно, чтобы стереть эти бесконечно странные и изменчивые жесты Цзи Юньчэня.

Но Цзи Юньчэнь просто повернул голову в сторону и провел пальцем по диагональной дуге в воздухе.

В эту долю мгновения Чжоу Фэй почти услышала резкий скрежет металла, скребущего по металлу.